

Труда, — 1998, — 1 апр. — с. 5

КУЛЬТУРА

ПОСЛЕДНЯЯ ВСПЫШКА

СЕГОДНЯ — 125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ РАХМАНИНОВА

Изучая жизнь С.В. Рахманинова, испытываешь порой потрясение едва ли меньшее, чем слушая его музыку, — до того его судьба богата драматическими коллизиями. Сама личность композитора, если можно так выразиться, внутренне драматична.

Сергей Рахманинов. Лондон, 1938 год.
(Снимок публикуется впервые).

Будучи натурой крайне эмоциональной, даже страстной, он, за редчайшими исключениями, не позволял этой буре страстей выплескиваться наружу. Не эта ли особенность нашла отражение в творчестве Рахманинова — с его возвышенным романтизмом при полном отсутствии внешнего пафоса?

Судьбе было угодно подвергнуть его, плоть от плоти русской культуры, тяжелейшему испытанию — разлуке с Родиной. 23 декабря 1917 года — день, когда Сергей Васильевич навсегда покинул Россию, — обозначил некий роковой рубеж и в его жизни, и в творчестве.

О Рахманинове написано много — и, увы, много неверного. Раньше о его отъезде за границу говорили как о чудовищной ошибке: не понял-де революцию, оторвал себя от народа... Потом пошел другой крен: стали преувеличивать степень конфронтации между музыкантом и Советской Россией.

На самом деле решение об отъезде созрело у Рахманинова еще летом 1917-го под впечатлением от царящей в стране неразберихи, но санкция на него (вот парадокс) была получена лишь после Октябрьской революции, то есть от Советской власти. Травля композитора в отечественной печати, начатая в марте 1931 года после опубликования в "Нью-Йорк таймс" группового антисоветского письма (редчайший случай участия Сергея Васильевича, обычно сторонившегося политики, в подобной акции), довольно быстро захлебнулась. Уже в декабре 1932 года в Большом театре под управлением Николая Голованова прозвучали симфоническая фантазия "Утес" и Три русские песни для хора и оркестра. Слишком велика была любовь русских людей к творчеству замечательного композитора.

Сегодня мы публикуем фрагмент книги известного исследователя и музыкального писателя Бориса Никитина "Сергей Рахманинов. Федор Шаляпин. Две жизни", посвященный последним годам Сергея Васильевича и его работе над итогом своего творчества — "Симфоническими танцами". Полностью это издание, готовящееся по инициативе Шаляпинского центра и Гуманитарного отделения Академии информатизации, вскоре выйдет в "Профиздате".

28 августа 1940 года Сергей Васильевич написал дирижеру Филадельфийского оркестра:

"Дорогой господин Орманди! Пожалуйста, приезжайте. Мне бы хотелось сыграть Вам мои "Симфонические танцы"... Воспользуйтесь маршрутом 25 до Сентерпорта, через Хантингтон, поверните налево по дороге Литтл Нек. В случае затруднений спросите дачу господина Хонеймана младшего, которая называется "Орчард Пойнт".

По этому описанию Юджин Орманди, наверное, легко нашел дом, в котором и остановился тем летом Рахманинов. Спустя полвека отыскать место, где создавались "Симфонические танцы", оказалось несколько труднее...

Но те, кто живет в этом прелестьном уединенном уголке, помнят о Рахманинове, хотя с тех времен от имения остались только отдельные вспомогательные строения.

...В начале мая 1940 года дочь управляющего имением Хонейманов Джин Садерлэнд, как всегда с началом сезона, приготовилась встречать новых жильцов. Распахнулись мощные железные ворота, и на территорию въехал автомобиль, в котором сидели Сергей Васильевич, его жена Наталья Александровна и еще одна пара, оказавшаяся прислугой...

Рахманиновы жили просто. Они совершали долгие прогулки пешком, купались. Иногда, пользуясь катером, пересекали залив и навещали Михаила Чехова в его студии в Коннектикуте...

Местный молочник поведал, что он развозил молоко с шести утра и часто слышал, что Рахманинов уже рано утром играл на рояле. А еще Мэри Банс из Сентерпорта вспоминала, как некоторые жители города подплывали на лодках к побережью, где находилось имение Хонеймана, и наслаждались игрой Рахманинова.

В июле сорокового года жил у Рахманинова Борис Шаляпин, который писал два портрета — Сергея Васильевича и его внучки Софиньки.

Музыкант упражнялся за роялем. Только руки пришлось некоторое время поддержать неподвижно, иначе не написать их правильно. Сергей Васильевич, глядя на Бориса Федоровича, вспоминал его великого отца — своего друга Федора Ивановича Шаляпина. Тогда, в апреле тридцать

восьмого, в Париже он пришел к больному Шаляпину и сразу понял, что Федя умирает. Ходил к нему два раза в день. В последний раз видел его 10 апреля, что-то ему рассказывал, пытался развлечь. Перед уходом Федор Иванович стал рассказывать, что после выздоровления хочет написать книгу для артистов о сценическом искусстве. Говорил очень, очень медленно. Сердце едва работало... Потом Рахманинов, со свойственной ему проникновенностью высказался по поводу смерти друга: "Он, этот чудо-артист с истинно сказочным дарованием, забываемое... Да! Шаляпин — богатырь. Для будущих поколений он будет легендой".

...Закончился очередной портретный сеанс. Сергей Васильевич продолжал свою работу над "Танцами". Мотив смерти — этот древний напев "Dies irae" ("День гнева", т.е. день Страшного суда. — С.Б.), который сопровождал его с молодых лет и проник почти во все его крупные произведения, — должен был быть побежден верой в неуничтожимость духа...

В Россию "Симфонические танцы" пришли в тяжелое военное время и были впервые исполнены по радио 19 октября 1943 года, через полгода после смерти композитора. Играл Большой симфонический оркестр Радиокomiteта, дирижировал Николай Семенович Голованов. Александр Борисович Гольденвейзер, прослушав "Танцы", записал в дневнике: "Это страшное произведение — Danse macabre (Танец смерти. — С.Б.). Он вплотную подошел к смерти и с огромной гениальной силой рассказал про ее неуловимое костяное равнодушие... Не мог удержать слез, слушая удивительное сочинение Рахманинова".

В последние месяцы своей жизни Сергей Васильевич в разговоре с женой своего друга и секретаря Еленой Сомовой пожаловался на усталость и признался, что больше не способен ни играть, ни сочинять. Елена Константиновна напомнила ему, что совсем недавно он написал "Симфонические танцы", в которых было столько огня и вдохновения. Он сказал:

"Да уж не знаю, как это случилось. Это была, должно быть, моя последняя вспышка".

Подготовил публикацию
Сергей БИРЮКОВ.

83